
Анатолий Валевский

Эльза

Рассказ

С благодарностью за всё — Галантине

По паспорту она Лида, но для всех давно Эльза. Чувствуете, дух авантюризма уже просачивается через буквы. Это только начало.

Эльза сидит перед оперным театром, лихо дымя беломориной. Пряный табачный дым неспешно расплывается в окружающем пространстве. Черная таблеточка с вуалью, прикрывающей глаза, гипюровое темно-синее платье и белое, в две нитки, жемчужное ожерелье делают ее яркой и неотразимой. Ее обожаемая фраза: «Будем брать эффектами!»

В глазах Эльзы зажигается огонек, когда к ней подсаживается мужчина значительно моложе и ненавязчиво, даже робко интересуется:

— Не желаете ли посетить оперу? Сегодня дают «Дон Карлоса».

Эльза аристократично, неспешно поворачивает голову, с полминуты оценивает ухажера, после чего делает одолжение, будто уронила платок:

— Ну, если вы так просите, молодой человек, могу ли отказать...

Молодому человеку, зовущему Эльзу на «Дон Карлоса», не меньше семидесяти, но выглядит как настоящий щеголь. После оперы он предлагает Эльзе ресторан. Она соглашается, и на этом знакомство заканчивается.

— О чем с ним разговаривать, если он посчитал, что мой любимый Ремарк — женщина, — выносит она свой безжалостный вердикт. — Разучились мужчины ухаживать за дамами, — с прискорбием добавляет Эльза.

Уникальная старуха.

— Эльза, так нельзя с ухажерами, — возмущаюсь я.

Эльза закатывает глаза.

— Мальчик, ты не видел истинных ухажеров.

Мне ничего не остается, как только улыбнуться.

— Мальчик, — это она мне, когда я уже стал отцом, — запомни: женщина не стареет! С годами она становится только интересней. — Эльза внимательно посмотрела на меня, взяв за руку. — Еще один мой тебе совет. Что бы ни происходило между тобой и твоей женщиной, просыпайтесь в одной постели.

Валевский Анатолий Михайлович — родился в Новом Роздоле (Украина) в 1969 году, окончил Томский государственный педагогический университет (1997). Работает в школе. Живет в поселке городского типа Андра (ХАМАО-Югра). Это первая публикация автора.

— Женщина, о которой ты говоришь, моя жена, — с сарказмом напоминаю я.
— Это звание еще надо заслужить, как и звание мужа. То, что я наблюдаю, это отношения мужчины и женщины.

— Это плохо? — интересуюсь уязвлено.

— Это ваши отношения, вам и решать.

Эльза бывает невыносимой, на что живо парирует:

— У меня даже кровь с отрицательным резусом, чего тогда хотеть от характера!

Я развожу руками: убойный аргумент.

— Вся моя жизнь — бег по острию лезвия, — задумчиво добавляет Эльза.

— Не опасно?

— Разве это опасности? — Эльзу разбирает смех. — Опасности — это незаживающие порезы на теле, они слишком часто напоминают о себе.

Эльза умолкает. Ее лицо становится жестким и непробиваемым, как броня танка.

— Давай о приятностях...

И мы о них говорим.

— Пойду в кафе, посмотрю на мальчиков, — с воодушевлением произносит Эльза.

Я гляжу на нее со скрытой усмешкой.

Ей нравится сидеть и наблюдать за молодыми двадцатилетними официантами в кафешке, расположенной в уютном подвальчике недалеко от нашего дома.

Когда она входит, посетители встречают ее аплодисментами. Во все закоулки несетя шепотное: «Эльза пришла, Эльза пришла...»

Подходит хозяин заведения, почтительно кланяется и задает неизменный вопрос: «Мадам, как обычно?» — на что Эльза благосклонно кивает головой.

Как обычно — это кофе и рюмка коньяка.

— Мадам, как вы себя чувствуете?

Эльза качает головой — медленно, почти машинально.

— Относительно, — отвечает неопределенно.

— Сигарету, мадам? — предлагает хозяин кафе.

Эльза не отказывается.

— Вы же, конечно, расскажете о Париже?

Эльза делает томные глаза, мол, достали вы меня, сколько можно рассказывать одно и то же тысячу раз, но после первого глоточка коньяка лицо ее оживает, в глазах появляются искры, как от разгорающегося костра.

Эльза пересаживается в специально купленное для нее в антикварном магазине старинное кресло. Столики подтягиваются ближе к ней, рядом в ногах садится хозяин. Кафе закрывается на переучет.

Эльза привычно произносит: «Боже, как я люблю Париж...», и народ в маленькой подвальной кафешке замирает, слушает затаив дыхание голос странной старухи, вещающей о Париже, Лувре, Елисейских полях и, конечно, о бурлящих романах, потому что любовь у Эльзы всегда выскакивает неожиданно как черт из табакерки.

— Вот это жизнь, — в экстазе выкрикивает хозяин кафешки, иногда на его одутловатом лице поблескивает слеза.

— Мадам, вы же завтра нас обязательно посетите?!

Эльза устало смотрит в зал, в висок ей постукивают мягкие молоточки опьянения.

— Возможно.

Я как-то спросил Эльзу: «Зачем тебе это?»

— Мальчик, как ты не понимаешь? Любая женщина прежде всего жаждет мужского внимания. Знай, если через десять лет ты разведешься, в этом будет виновата

не твоя жена и тем более не бытовые проблемы. Будешь виноват исключительно ты, потому что стал уделять жене недостаточно внимания. Учти на будущее!

Помню, как однажды пришел с работы и мама в ужасе выпалила:

— Эльза пропала!

— Как пропала? — я даже испугаться не успел.

— Просто! — мама развела руками от моей бестолковости. — Я уже обзвонила все морги, больницы. Ее нигде нет. Утром ушла — и вот, ее нет.

— Ну хоть что-то сказала перед тем как ушла, и вообще, куда ушла?

Мама ответила, слегла заикаясь:

— Сказала: «Скоро буду». И еще сказала, что всех нас любит.

И меня разрывал смех. Ай да Эльза, ай да молодец!

Сынок, когда ты звонишь папе и неожиданно начинаешь ни с того ни с сего признаваться, как его любишь, можешь не тратить красноречие — папа все знает и понимает. Он-таки был в твоём возрасте. Скажи: «Папа, нужна денежка».

Если Эльза говорит, что нас любит, значит, у нее очередное приключение. Они — ее существо, ее стихия.

«Жить обыденно — тоска зеленая и депрессия, — Эльза патетично вздыхает и поднимает глаза к небу. — Жизнью надо наслаждаться до последнего глотка, чтобы потом ни о чем не жалеть!»

Эльза — ходячий цитатник.

«Я не кошка, которая гуляет сама по себе, — гордо заявила однажды она моей остолбеневшей матери, когда исчезла на полторы недели. — Я — женщина, которая еще не до конца познала мир. Я безумно жадная до его познания!»

— Мама, — спрашиваю, перестав наконец смеяться. — Эльза пенсию получала?

— Да, вчера!

— Все ясно, через недельку будет звонок. Не удивлюсь, если наша Эльза где-нибудь со своей подружкой греется на теплых морях.

— Но она же в возрасте! — в голосе тревога.

— Мама, о чем ты? — улыбка не сползает с моего лица. — Эльза и возраст — вещи несовместимые.

Мать призадумалась.

— Почему она такая эгоистка и не думает о нас? — мне понятно беспокойство матери. — Мы же волнуемся!

Приходится бессильно пожать плечами.

— К сожалению, таков ее темперамент.

У Эльзы на все один ответ: «Ну что со мной может случиться? Я взрослая девочка!»

Ровно через семь дней Эльза подала сигнал бедствия.

— Толичек, дома все спокойно? — вкрадчиво зондирует обстановку.

— Относительно.

— Надеюсь, не сильно вы тосковали по моему отсутствию?

— В рамках разумного.

Мой голос спокоен.

— Чудненко, — Эльза переходит в наступление — все формальности соблюдены: — Представляешь, собралась уже было возвращаться и, как назло, закончились деньги.

— Бывает, — философски поддерживаю тетку.

Молчание. Каждый из нас тянет паузу, первым не выдерживаю я.

— Эльза, ты хоть где?

— Да рядом, — я слышу облегченный вздох. — Решила с подругой съездить на янтарные берега.

— Ты в Калининграде? — догадываюсь.

— Я не знаю такого города, — недовольно фыркает Эльза. — Я — в Кёнигсберге.

— Коньяк распробовала?

— Поверь, он здесь шикарный, — в голосе собеседницы появились душевные переливы. — В следующий раз прихвачу тебя. Составишь нам, девочкам, компанию?

Я все понимаю.

— Что, в этот раз было скучновато?

— Знаешь, да! — энтузиазм в голосе отсутствует.

— Эльза, за тобой ехать, или перевести только деньги?

— Желательно приехать.

— Жди, к вечеру самолетом прилечу.

— Так я и так жду тебя в аэропорту.

— С Ингой?

— Как догадался?

— Дочь Инги нам звонила, спрашивала, где ее мать.

— Ну, немножко дамы развлеклись, зачем сразу разводить трагедию?

— Эльза, ты когда-нибудь угомонишься?

В трубке слышится искристый смех.

— Толичек, еще не пришел тот возраст...

— Ничего, что тебе...

Я вовремя останавливаюсь.

— Молчи, или я брошу трубку!

И я с улыбкой молчу.

Вечером вылетаю в Калининград, где меня ожидают моя ненаглядная старуха со своей взбалмошной подругой.

По приезде Эльза сразу начинает вспоминать, что у нее обострился диабет, жуткая стенокардия и вообще, наверное, пришло время умирать. Ее надломленный, утомленный голос — как сигнал SOS.

Я давно раскусил этот незатейливый трюк. Чем выслушивать мораль от моей матери, лучше притвориться умирающей и получить новую порцию внимания и забот. Умиравшая Эльза — то еще представление.

Каким образом она умудряется накрутить себе давление, для меня загадка, потому что после отъезда «скорой» Эльза спокойно на балконе курит беломорину, разговаривает с такой же «умирающей» подругой. Они весело хохочут. Девочкам хорошо, девочки в своей стихии.

Когда врач с озабоченным видом заявил Эльзе, что она может умереть, Эльза изумилась.

— Доктор, что вы такое говорите? — ее голос соткан из сарказма. — Мне всего-то семьдесят семь, какая смерть?

— Не молоденькая, однако, вы.

Эльза с недоумением смотрит на смутившегося от ее взгляда доктора.

— Моя мама ушла на тот свет в девяносто шесть, я никак не могу раньше, — Эльза не собирается поднимать белое знамя поражения. — Я просто не готова к этому, доктор, — в голосе Эльзы трагизма столько, что доктор начинает извиняться.

— Все же вам надо себя беречь.

Театральная пауза по сравнению с ее задумчивостью — мимолетный сигаретный дым.

— Значит, все-таки существует такая вероятность? — аккуратно прощупывает ситуацию.

— Да, — кивает доктор.

Эльза задумалась. С ней такое бывает: чуть задумается — и полностью уходит в себя. Но вот она поднялась. Голова гордо откинута назад. К Эльзе вернулась ее стихия.

— Спасибо, я вас услышала, — она по-мужски жмет руку обалдевшему доктору и уходит на балкон. Закуривает и по телефону громко жалуется Инге на непрофессионализм врачей.

Когда мама приносит Эльзе на блюдце таблетки, Эльза смотрит на нее с недоумением.

— Ты решила меня отравить?

— Врач сказал, что надо.

— Кому?

— Эльза, прекрати клоунаду.

— Я не буду этой химией травить свой организм. Принеси мне моей «Негрустинки». Десять капель, и я здорова.

— И готова к новым приключениям, — добавляю я.

Эльза счастливо светится как новогодняя ёлка.

— Я к ним всегда готова.

Я это знаю, мне об этом можно не говорить.

Эльза — знаменитость района. Играет с мужиками во дворе в шахматы, и никто ее еще ни разу не победил.

Поет в хоре «Русские сударушки». Эльза — на всех выставках, на новых спектаклях, концертах. Она везде успеваёт.

— Толичек, жизнью надо наслаждаться, а не ныть, потому что сколько той жизни будет отмерено, никому неизвестно. Запомни, когда я говорю, что у меня депрессия — это означает только одно: одиночество и отсутствие любви, с чем я борюсь всю жизнь.

Эльза умерла в девяносто два года, с обидой сказав: «Недолго прожила», — и попросила выполнить последнюю просьбу — окурить любимой беломориной.

Проводить пришло множество людей, даже те, кто не знал Эльзу, но был о ней наслышан.

Почему же она всегда называла себя Эльзой? Так звали женщину в фашистском концлагере, спасшую ее, подростка, от гибели.

Мне не хватает Эльзы. Ее неумной, бьющей ключом энергии, ее неугасающего энтузиазма («Отдыхать будем на том свете, хотя может и не получиться»), ее оптимизма («Жизнь для того и дана, чтобы человек через всё прошел»), ее искрометного юмора («Старость — это возрожденное детство, при условии, что вы знаете, что такое настоящее детство» или «Умирать не страшно, все равно похоронят, куда денутся»).

Порезы жизни Эльзы — это: Освенцим, колымские лагеря, смерть единственного ребенка.

«Жизнь дана для того, чтобы ее прожить, — часто повторяла Эльза. — Жизнь надо любить!»

И она ее любила. Окончила физмат, защитила докторскую, в совершенстве самостоятельно выучила французский и говорила на нем, как истинная мадам, удочерила, взяв из детского дома, мою маму.

За несколько минут до последнего вздоха Эльза с глубочайшим сожалением произнесла:

— В Париж так и не успела съездить.